

приоритет2030⁺
право для лидерства

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

«Принципы правового статуса человека»

Автор: профессор И.Г. Дудко, д.ю.н., и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права, руководитель Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аналитическая записка

«Принципы правового статуса человека»

На сегодняшний день большинство ученых выделяет в структуре конституционно-правового статуса человека и гражданина такой элемент как принципы правового статуса личности. Наличие подобного рода основополагающих начал или руководящих идей, которые имеют отношение непосредственно к правам и обязанностям субъекта констатировалось еще в советской юридической доктрине. В частности, такие принципы выделял Н.В. Витрук в известной работе 1985 года «Правовой статус личности в СССР»¹. Много внимания данной категории уделял Л.Д. Воеводин, по мнению которого "принципы правового статуса личности отражают коренные отношения между государством и человеком в связи с его местом в обществе"². Леонид Дмитриевич Воеводин полагал, что под такими принципами следует понимать «записанные в Конституции и других законодательных актах руководящие идеи, которые в общем плане фиксируют место человека в обществе и государстве»³.

В дефинициях относительно принципов правового статуса личности практически все авторы едины: под ними, как правило, понимается определенный набор руководящих идей или основополагающих начал, которые находятся в основе осуществления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина⁴.

Аналогичным образом Л.И. Нудненко рассматривает принципы правового статуса личности как «руководящие начала, идеи, отражающие

¹ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М. 1985. С. 32

² Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: Норма, 1997.

³ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М.: Издательство МГУ; Издательская группа "ИНФРА-М-НОРМА", 1997. С. 59.

⁴ См., напр., Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2007. С. 32.

наиболее важные отношения между личностью, с одной стороны, и государством, обществом, коллективом — с другой»⁵.

Основная неясность здесь состоит в конкретной функциональной нагрузке этой категории: каким образом принципы правового статуса могут влиять на реальное правовое положение человека и гражданина в конституционно-правовом пространстве?

Большинство авторов отмечают, что это некие руководящие идеи, «положенные в основу осуществления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина»⁶, в соответствии с которыми «строится вся система конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина и происходит процесс их реализации»⁷.

Отсюда можно сделать наиболее очевидный вывод, что такие принципы адресованы законодателю и правоприменителю, детерминируя сознание которых они выступают основными началами нормативного опосредования конституционных норм о правах человека. Вполне уместно воспользоваться термином "конституционное правоупотребление", который предложил В.И. Крусс, имея под ним ввиду, практическое восприятие и опосредование пользования человеком основными правами и свободами для получения тех конституционных благ, которые предполагаются Основным законом⁸. Полагаем принципы правового статуса личности более удачно было бы именовать принципами конституционного правоупотребления.

Основной целью их существования является конституционализация правовой системы Российской Федерации, выстраивание нормативного массива в соответствии с положениями Основного закона о правах и свободах

⁵ Нудненко Л.И. Конституционные права и свободы личности в России : учебное пособие / Л. А. Нудненко. - Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс (изд-во Р. Асланова), 2009 (СПб. : Типография "Наука"). - 449 с.

⁶ Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. академик РАЕН Ю.А. Веденеев. — М.:Юриспруденция, 1999.—288 с.

⁷ Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению "Юриспруденция" и специальности "Юриспруденция" / С. В. Васильева, В. А. Виноградов, В. Д. Мазаев. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Эксмо, 2011. - 559 с.

⁸ См.: Крусс В.И. Концепция конституционного правоупотребления (право на предпринимательскую деятельность). Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. М., 2004. С. 14, 37 - 40.

человека и гражданина. Однако, представляется ошибочным сводить такое опосредование только лишь к субъективной сфере законодателя, продуцирующего вторичные, подконституционные нормы, и правоприменителю реализующему их в практической деятельности.

Права из принципов

В монографии Г.А. Гаджиева "Принципы права и право из принципов конституционные суды и законодательные органы - друзья и соперники на арене конституционной политики" обосновано, что помимо традиционных формально-юридических норм права в процессе интерпретационной деятельности конституционных судов возникает то, что он назвал «право из принципов». «Право из принципов» не обладает традиционными формально-юридическими признаками и прежде всего формальной определенностью. По сути, это не признанная официально нетрадиционная форма существования права"⁹.

Полагаем, что субъективные конституционные права (правопритязания) благодаря деятельности конституционных судов (или ординарных судов в странах общего права) приобретают самостоятельную правовую реальность, являя собой "право человека" (С.С. Алексеев) в значении объективного права. Это обусловлено рядом причин: во-первых, права человека имеют строгий абрис только на бумаге - в соответствующих статьях Конституции РФ. На деле же эти права конкурируют друг с другом, ограничивают друг друга и их конкретное содержание становится возможным выяснить только в ситуации индивидуального правоприменения (собственно, именно поэтому мы испытываем серьезные сомнения в отношении эффективности предварительного конституционного контроля).

Во-вторых, в настоящее время идет все ускоряющийся и расширяющийся процесс генерации "новых" прав или, в зависимости от точки

⁹ Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. N 2. С. 44.

зрения, трансформации традиционных прав. В любом случае содержание прав человека в виде конкретных правомочий постоянно «мутирует», изменяется (соматические права, цифровые права и т.п.).

В итоге идея конституционного закрепления исчерпывающего перечня основных прав испытывает субстанциональный кризис. В этой ситуации, полагаем, востребованной становится идея немецкого ученого-юриста Роберта Алекси, согласно которой основные права могут быть представлены как принципы, позволяющие осуществлять взаимную "балансировку" и "взвешивание"¹⁰. При таком подходе особое значение приобретают общие принципы реализации и защиты конституционных прав, детерминирующие основные векторы конституционализации прав человека. Иными словами, если невозможно нормативно закрепить дискретный перечень основных прав, то можно попытаться регламентировать основные принципы их признания и защиты.

Во-многом, это явилось следствием поворота от традиционной для советской доктрины права позитивистской концепции прав и свобод как меры дозволенного законом поведения к естественно-правовой теории, согласно которой государство не предоставляет человеку права, а лишь признает их наличие и гарантирует пользование ими.

Дело в том, что исходя из такого понимания объем принадлежащих человеку прав и свобод перестает быть дискретной величиной и теряет догматическую определенность: если права вытекают не из положений позитивного закона, а из самой природы человека, то кто может гарантировать, что этот самый закон признал за субъектом все имманентно принадлежащие ему права? Здесь объективное и субъективное право меняются местами: последнее становится первичным и исходным для позитивного законодательства.

¹⁰ Алекси, Роберт. Понятие и действительность права = Begriff und Geltung des Rechts : (ответ юридическому позитивизму) / Роберт Алекси; пер. с нем. [А. Н. Лаптев, при участии Ф. Кальшойера]. - Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. - 173 с.

Однако при таком подходе возникает проблема генерирования новых (производных) прав и свобод человека из массы разнородных правопритязаний, которые им предъявляются к обществу и государству. И здесь уже проблема совершенно не решается законодательным закреплением какого-либо права, поскольку, во-первых, его конкретный объем и пределы все равно потребуют казуального толкования и, во-вторых, законодательно оформить весь объем прав и свобод, принадлежащих человеку по природе его, просто невозможно. Поэтому проблема генерирования прав смещается от законодателя к органу, осуществляющему текущую интерпретацию того набора прав и свобод, который уже закреплен основными законами - к конституционным судам.

Последние же вынуждены опираться на систему "руководящих идей" или "основополагающих начал" для того, чтобы путем нормативной дедукции, аксиологического и телеологического толкования конституций констатировать наличие того или иного права либо свободы. По словам Г.А. Гаджиева они создают право из принципов. Поэтому смещение акцентов генерации прав и свобод в плоскость текущего (не законодательного) конституционного наркотконтроля предполагает настоятельную необходимость наличия таких руководящих идей или принципов правового статуса человека.

Каталог принципов правового статуса

Еще в советское время Н.В. Витрук выделял следующие принципы правового положения личности (он считал эту категорию более широкой по отношению к концепту правового статуса): а) принцип полноты прав и свобод; б) равенство прав и обязанностей; в) сочетание личных и общественных интересов; г) реальность (гарантированность) прав и обязанностей; д) динамизм правового статуса; е) максимальное уравнивание правового положения граждан и лиц без гражданства, а также иностранных граждан¹¹.

¹¹ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М. 1985. С. 32

Этот каталог принципов и сегодня используется в юридической науке (с минимальными изъятиями и дополнениями)¹².

Интересно, что сам Николай Васильевич впоследствии скорректировал этот перечень принципов правового статуса в связи с изменением политико-правовых реалий и принятием новой Конституции РФ 1993 года. В работе "Общая теория правового положения личности" такими принципами он называет:

- полноту основных прав, свобод и равенство обязанностей граждан;
- недопустимость отмены или умаления прав и свобод человека и гражданина;
- непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина;
- допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь в целях, установленных Конституцией РФ;
- запрет злоупотребления правами и свободами;
- гарантированность государственной защиты прав и свобод человека.

Различные каталоги принципов правового статуса личности предлагались в юридической доктрине в работах Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина¹³, С.А. Авакьяна¹⁴, Л.Д. Воеводина¹⁵, А.Н. Кокотова¹⁶ и др.

Некоторые из предлагаемых принципов нам представляются надуманными и не имеющими регулятивного значения. Например, традиционно в качестве принципа правового статуса личности принято выделять единство прав, свобод и обязанностей.

¹² См. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.

¹³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007.

¹⁴ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М.: РЮИД, «Сашко», 2000.

¹⁵ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. — М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997.

¹⁶ Кокотов А.Н. Конституционное право России. Курс лекций: Учеб. пособие. — М., ТК Велби, Издательство Проспект, 2006.

Единство прав, свобод и обязанностей

В советский период основанием для этого служило положение статьи 59 Конституции СССР 1977 г.: "Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином обязанностей". По инерции данный тезис называется в качестве основополагающего принципа правового положения личности, хотя действующий Основной закон подобного положения уже не содержит.

Но в чем заключается смысл этого положения: то, что помимо прав и свобод человек обладает и обязанностями? Это очень тривиальное и очевидное умозаключение, которое не требует для себя никаких "принципиальных" оснований. З.С. Байниязова, например, отмечает "Консолидация прав и обязанностей - это основной принцип правового статуса личности"¹⁷.

Но в чем же заключается такая консолидация? Обязанности человека не обусловлены наличием у него прав и свобод, как и наоборот, существование прав и свобод никак не связано с наличием обязанностей. Неисполнение гражданином каких-либо обязанностей, безусловно, может повлечь для него меры юридической ответственности, но отнюдь не лишает его обладания конституционными правами и свободами. Где же здесь единство прав и обязанностей?

Принцип единства прав и обязанностей обосновывается в цивилистике и теории права, но там он имеет иной смысл: здесь имеется ввиду единство и взаимная эквивалентность субъективных прав и обязанностей участников в рамках одного правоотношения. Согласно этому принципу права одного субъекта могут быть представлены через обязанности другого в силу предоставительно-обязывающего характера правовых норм. Иными словами, "реализация прав поставлена в зависимость от исполнения

¹⁷ Байниязова З.С. Проблема консолидации юридического статуса личности в российской правовой системе // Журнал российского права. 2014. N 12. С. 32 - 41.

обязанностей управомоченными лицами, а следовательно, этим обеспечивается и фактическое выполнение обязанностей"¹⁸.

Однако, именно в таком смысле принцип единства прав и обязанностей мало применим по отношению к конституционным правам и свободам. Дело в том, что основным адресатом конституционно-правовых норм является государство и именно оно выступает обязанным субъектом в конституционных правоотношениях, по крайней мере, в отношении прав и свобод человека и гражданина. Чьи обязанности соответствуют праву человека на образование, здравоохранение, социальное обеспечение? Даже если эти блага и могут предоставляться лицу негосударственными субъектами, то организация и обеспечение реализации данных прав является обязанностью государства.

Существуют, конечно, и, так называемые, абсолютные права, которым корреспондирует обязанность каждого, включая и физических лиц, не препятствовать их осуществлению: свобода слова, право на жизнь, свобода передвижения и т.п. Но даже и в этом случае на государство возлагается обязанность гарантировать осуществление и защиту данных прав.

Как нам представляется, нечто подобное имеет ввиду известный конституционалист Судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов, выделяя в системе принципов правового статуса личности принцип несимметричности прав и обязанностей: в конституционном праве число прав и свобод значительно превосходит число закреплённых обязанностей, что соответствует общедозволительному типу правового регулирования¹⁹.

Конституционному подходу к концептуализации основных прав и свобод в настоящее время и не только в масштабах нашей страны более соответствует принцип полноты прав и свобод, который также традиционно выделяется в отечественной юридической доктрине.

¹⁸ Ванеева Л.А. Единство субъективных прав и юридических обязанностей по гражданскому процессуальному праву // Проблемы хозяйства и права на современном этапе. Владивосток, 1985. С. 137.

¹⁹ Кокотов А.Н. Конституционное право России. Курс лекций: Учеб. пособие. — М., ТК Велби, Издательство Проспект, 2006.

Принцип допустимости/недопустимости ограничений.

Некоторые ученые-конституционалисты в качестве одного из принципов правового статуса личности выделяют принцип недопустимости ограничений прав и свобод человека и гражданина²⁰. А.А. Подмарев, напротив, рассматривает возможность ограничения конституционных прав и свобод как самостоятельный конституционный принцип правового положения человека и гражданина²¹.

Несомненно, что ограничение основных прав и свобод не только допустимое, но и необходимое условие их реализации в социуме, однако вряд ли подобную возможность или допустимость можно охарактеризовать в качестве самостоятельного принципа, т.е. основного начала или руководящей идеи. Да и сам Александр Александрович, раскрывая его содержание пишет: "Смысл установления и существования правовых ограничений — достижение компромисса между интересами человека и интересами общества, государства и других лиц" (С. 17). Поэтому и принцип допустимости ограничений прав и свобод понимается им как "элемент механизма согласования личных (индивидуальных) и общественных (публичных) интересов".

Нужно сказать, что многие авторы в качестве самостоятельного принципа конституционно-правового статуса личности называют сочетание личных и общественных интересов²². С.А. Авакьян формулирует данный принцип как сочетание индивидуальных интересов личности и интересов других лиц, общества и государства²³.

²⁰ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007.

²¹ Подмарев А.А. Возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина как конституционный принцип правового статуса личности в Российской Федерации // Вестник РУДН, серия Юридические науки, 2013, № 1.

²² Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007

²³ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М.: РЮИД, «Сашко», 2000.

Как представляется нормативным основанием подобного принципа являются положение части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, а так же части 3 ст. 55, которая устанавливает конституционно значимые цели возможного ограничения прав и свобод человека и гражданина: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Причем эти цели так или иначе редуцируются к задаче защиты прав и обеспечения интересов других лиц, в том числе, групповых интересов. В этой связи на представляется, что данный принцип правильнее было бы обозначить как принцип взаимной согласованности прав и свобод.

Гарантированность прав и свобод

Практически все авторы в рамках каталога принципов правового статуса человека и гражданина выделяют гарантированность прав и свобод личности²⁴. Когда же речь заходит о конкретном содержании такой руководящей идеи или основополагающего положения, то речь заходит об обязанности государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). "Указанный принцип является конкретизацией конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина, установленной ст. 2 Конституции РФ"²⁵. Может ли такая обязанность выступать в качестве правового принципа? Как нам представляется, гарантированность прав и свобод, скорее всего, следствие, вытекающее из сущностных характеристик права в целом, нормы которого

²⁴ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. — 2-е изд., перераб. и доп. — В 2 т. — М.: Юристъ, 2006. — Т. 1; Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. — М.: Норма, 2008; Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Конституционное право России: Учебник / Под ред. Н.А. Михалевой. — М.: Эксмо, 2006; Козлова Е.И., Куцафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007

²⁵ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 448 с.

помимо общеобязательного характера предусматривают и санкции за их нарушение.

Если же рассматривать этот принцип в широком смысле, т.е. как обязанность государства защищать не только номинальные права, непосредственно закрепленные в тексте Основного закона, но и признавать иные правопритязания (новые права), которые возникают в перспективе с связи с развитием общества, то эта обязанность является следствием принципа свободы личности (принципа полноправия).

Принцип полноты прав и свобод и полноправие личности

Еще с советского периода развития юридической доктрины многие авторы "во первых строках" перечня принципов правового статуса (правового положения) личности называли принцип полноты прав и свобод²⁶. В то время этот принцип означал, что, во-первых, государство гарантирует своим гражданам права и свободы во всех сферах жизнедеятельности (социальной, культурной, политической и др.) и, во-вторых, "государство закрепляло те права и свободы, которые с социальной точки зрения могут быть реализованы, соответствуют достигнутому уровню развития социалистического общества, отвечают социалистическим и коммунистическим идеалам, положениям международно-правовых документов о правах человека"²⁷. Кстати, и сейчас можно встретить подобное понимание данного принципа, разумеется "за вычетом" отсылок к социалистическим и коммунистическим идеалам²⁸.

Кстати, в более поздней работе Николай Васильевич Витрук несколько скорректировал свое понимание этого принципа (им же и предложенного), поставив во главу угла "установление, содержащееся в ч. 1 ст. 55 Конституции РФ: перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно

²⁶ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М. 1985. С. 32

²⁷ Сман А.С. Экскурс в историю: советская правовая наука о принципах правового положения личности // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2007. №4(8). С. 28.

²⁸ Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.

толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина"²⁹.

На наш взгляд, принцип полноты прав и свобод (полноты прав и свобод) в настоящее время должен приобрести несколько другое понимание: как мы неоднократно отмечали, приметой нашего времени (не только для нашей страны, но и для всего мирового сообщества) является выход на первый план субъективных публичных (конституционных) прав и формирования права человека в качестве объективной юридической реальности. В этой связи принцип полноты прав означает признание за человеком всех прав, которые присущи ему от природы, независимо от их юридического закрепления. Собственно, это то, чем сейчас активно занимаются как национальные конституционные суды, так и межгосударственные судебные органы.

На сегодняшний день принцип полноты прав и свобод в значении полноты прав человека неразрывно связан с принципом личной свободы.

Принцип личной свободы

С.А. Авакьян один из немногих ученых-конституционалистов, кто выделяет этот принцип правового статуса личности. Между тем, именно на сегодняшний день, когда процесс генерации новых прав (правомочий) многократно интенсифицировался принцип личной свободы приобретает ключевое значение. Различного рода соматические (репродуктивные, сексуальные и иные), цифровые права, как представляется выступают прямым следствием реализации данного принципа.

Конституционным (текстуальным) выражением данного принципа можно считать положение части 1 статьи 55, согласно которому перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

²⁹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 448 с.

В данном контексте несколько настораживает слово "общепризнанных", поскольку создаётся впечатление, что эти права человек приобретает в результате их признания обществом (международным сообществом). Так, например, некоторые авторы прямо утверждают, что "общепризнанными правами и свободами человека и гражданина являются права, закрепленные в универсальных международных актах"³⁰. Подобное понимание данной нормы, во-многом, является позитивистским, поскольку ставит официальное признание права перед его возникновением и существованием.

На наш взгляд, это положение Основного закона должно пониматься во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 17 Конституции РФ, которым утверждается естественно-правовая концепция прав человека: "Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения".

Как нам представляется норма пункта 1 статьи 55 Конституции РФ сформулирована, что называется, "на вырост": "В связи с постоянным развитием человеческого общества и усложнением общественных отношений система прав человека постепенно развивается, усложняется и совершенствуется. Существующие права и свободы человека и гражданина дополняются новыми, что влечет за собой изменение законодательства, дополнение его новыми демократическими нормами и принципами"³¹.

Принципиальная незамкнутость и даже неисчерпаемость прав человека представляется естественным следствием и основным проявлением принципа личной свободы.

Однако, слово "свобода" употребляется в Конституции многократно и, на наш взгляд, может иметь различные смысловые оттенки. Первое, что буквально бросается в глаза, - это понимание ряда частных свобод

³⁰ Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. 256 с.

³¹ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеевкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.

("позитивная свобода") как специфической разновидности конституционных прав.

Интересно, что этимология слова "право", являющегося субстантивацией прилагательного "правый", позволяет выделить его морально-нравственную нагрузку как "правильного" поведения. Если же копнуть еще глубже, то оказывается, что происхождение данного слова во многих языках одновременно означает "прямой", прямую линию. Выдающийся советский правовед Петр Иванович Стучка в этой связи отмечал, что это объединение в одном слове понятий "прямого" и "права" не случайно: "Оно относится к первоначальному измерению земли по четырехугольникам, как на это указывал еще Лафарг. Прямая линия межи была первым признаком права, правды"³².

В этом смысле интересны и современные исследования этимологии данного понятия в различных языках. Так, например, С. П. Шевцов выделяет сразу несколько смысловых вариаций этого термина и приходит к выводу, что изначальное (этимологическое) значение слова право предполагало "мировой порядок, озвучиваемый, провозглашаемый и прочерчиваемый здесь, в нашем социуме, тем, кто идет вперед (и) (тем, кто ведет, вождем, сильным, знающим)"³³.

Свобода же как общеславянское слово представляет собой суффиксальное производное от "свой", "особа" и буквально означает «свое, собственное, отдельное от других положение»³⁴.

Сближение «прав» и «свобод» в современном конституционном дискурсе

Даже не будучи специалистом в языкознании несложно отметить, что слова "право" и "свобода" обнаруживают существенные различия в онтологии

³² Стучка П. Революционная роль советского права. М.: Советское законодательство, 1932. С. 23.

³³ Шевцов С.П. Архаичное понимание права: этимологический подход //ΣΧΟΛΗ Vol. 7. 2 (2013).

³⁴ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001, с.139

обозначаемых явлений: право "отмеривается" властвующим субъектом, а свобода вытекает из "самости" человека.

В этом смысле также интересно, что словом "право" обозначается как совокупность правил регулирования общественных отношений, то, что мы юристы называем "объективным правом" или правом в объективном смысле и, одновременно, "субъективное право" как меру дозволенного поведения индивида. Как представляется, такая терминологическая неразграниченность также говорит о многом: в частности, о том, что "субъективные права" производны от существующей системы правовых норм, которые и задают границы поведения субъекта.

Совсем не то – свободы: их закрепление в объективном праве носит характер констатации. Свободу можно отнять или ограничить, но ее невозможно предоставить: так свобода слова органично вытекает из способности человека говорить и конституируется этой способностью. Свобода передвижения в онтологическом плане производна из возможности человека самостоятельно перемещаться в пространстве. Объективное право в данном случае может претендовать только на ограничение этих свобод, задавая их меру.

Между тем принципиальный конституционный тезис – «права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» означает, что все конституционные права, а не только «самоисполнимые» поднимаются до уровня свобод. Другое же конституционное положение, согласно которому и права, и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием означает, что свободы как и права также нуждаются в предоставительных действиях со стороны государства..

Равенство перед законом: равноправие или законность

Статья 19 Конституции Российской Федерации, которую многие считают прямым текстуальным выражением принципа равенства прав и свобод (что, на наш взгляд, небесспорно), говорит о том, что все равны перед законом и судом.

Некоторые авторы считают, что эта статья Основного закона "закрепляет фундаментальный принцип правового государства - формальное, т.е. юридическое равенство всех людей независимо от пола, расы, национальности, языка и т.д."³⁵. Т.е. фактически здесь говорится не о равенстве всех перед законом, а о равноправии, т.е. равенстве прав независимо от пола расы и т.п., что на наш взгляд не тождественно равенству всех перед законом.

В статье 19 Конституции Российской Федерации использовано максимально общее определение субъектов юридического равенства - "все". Слово "все" предполагает, что перед законом равны, и граждане, и лица без гражданства, и юридические лица, и публично-правовые образования и др. Иными словами, данную конституционную норму можно понимать как закрепление равенства между гражданином и, например, религиозным объединением. Но как такое может быть если последнее даже не обладает общей правоспособностью?

Более осторожно выражается известный конституционалист судья Конституционного Суда РФ в отставке Н.С. Бондарь, который полагает, что правовой характер государства лишь "сближает его (данного принципа) нормативное содержание с требованием ч. 2 ст. 6 как одной из основ конституционного строя России, предусматривающей равенство зафиксированных в Основном Законе прав, свобод и обязанностей для каждого гражданина РФ"³⁶.

Во-первых, в данном случае речь идет уже о равноправии граждан России, что оставляет за рамками такого равноправия не только иностранных

³⁵ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.

³⁶ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.

граждан и лиц без гражданства, но и российские же юридические лица. Во-вторых, не случайно, Николай Семенович говорит лишь о сближении, сходстве равенства перед законом и равноправия, но не о их тождестве: даже граждане Российской Федерации в силу специального статуса обладают различным объемом прав.

Что же тогда обозначает принцип равенства всех (граждан, неграждан, общественных объединений, религиозных организаций и т.п.) перед законом? Каково его нормативное содержание? Представляется, что в данном случае речь идет об одинаковом отношении со стороны закона ко всем этим различным субъектам.

В Конституции Российской Федерации используются различные с юридической точки зрения концепты "равенство перед законом" и "равноправие". Первое обещает субъектам равное отношение со стороны закона, но не равные права и обязанности. И только в этом случае слово "все", используемое в статье 19 может иметь действительный смысл: и гражданин и юридическое лицо и субъект Российской Федерации и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм, которые безусловно будут содержать различные предписания в отношении этих субъектов. Ни о какой равной правоспособности или равноправии в данном случае и речи быть не может.

Как нам представляется, статья 19 Основного закона говорит совсем не о равноправии (за исключением гендерного равноправия) и не утверждает равную правосубъектность "всех", а лишь гарантирует одинаковое применение закона к любым субъектам права. То есть, сам по себе правовой статус не является равным (одинаковым) даже у граждан: закон представляет собой масштабное поле дифференциации правового положения субъектов права, однако его применение к этим субъектам должно быть одинаковым.

Что значит одинаковое применение закона к разностатусным субъектам? По сути, это означает строгое соблюдение закона, т.е. принцип законности. Непосредственно же конституционный принцип равенства выражается в

равном объеме прав и обязанностей у субъектов, обладающих одинаковым правовым статусом.

Конституция о равенстве перед законом

Принцип равенства всех перед законом находит в Основном законе ряд субъектных (а иногда и объектных) конкретизаций максимально обобщенного понятия «все».

Так, статья 13 Основного закона гарантирует равенство перед законом общественных объединений. В данном случае речь также идет о равенстве общественных объединений по отношению к закону, но не о взаимном равенстве в правах и обязанностях. В данном случае это отличие равенства перед законом и равноправия даже более разительно, чем в отношении человека и гражданина, поскольку в отличие от последнего общественные объединения обладают специальной правоспособностью, что предполагает специфику объема прав в зависимости от их вида.

Например, много ли общего можно найти в правовом положении политической партии и религиозной организации? Здесь становится еще более очевидно, что принцип равенства обещает равноправие только субъектам, обладающим одинаковым правовым статусом и законность всем остальным. Например, у различных видов общественных объединений имеются свои основания прекращения их деятельности: принцип равенства перед законом будет состоять в том, что при наличии соответствующего основания деятельность такого объединения должна прекращаться. Это и есть равное обращение со стороны закона и, как можно убедиться, оно имеет больше общего с принципом законности, чем с равенством.

Отдельно статья 14 Конституции Российской Федерации говорит о равенстве перед законом религиозных объединений при том, что все они отделены от государства и пользуются его защитой как "частные" субъекты. Иными словами, Основной закон гарантирует «светское» равенство религиозных организаций, абстрагированное от религиозного контента.

Как отмечается в специальной литературе, «равенство религиозных объединений перед законом означает:

единые условия признания религиозной организации в качестве юридического лица с соответствующей этому статусу правосубъектностью;

единые основания и порядок учреждения, создания и государственной регистрации религиозной организации;

равные права, обязанности и условия ее деятельности (это гарантированный законом объем правомочий, позволяющий религиозным организациям как добровольным объединениям граждан в полной мере осуществлять совместное исповедание и распространение веры);

равную ответственность за нарушение законодательства; право на одинаковую защиту законом независимо от их религиозной принадлежности»³⁷.

С этой точки зрения объединения, исповедующие традиционные, признанные религии по своему правовому статусу не отличаются, например, от пастафарианства (Церковь Летающего Макаронного Монстра) – придуманной американским физиком Бобби Хендерсоном пародийной религии. Диссонансом этому юридическому (правовому) равенству религиозных объединений перед законом будет вмешательство государства, непосредственно, в вопросы веры. Так, например, в 2013 году в состав статьи 148 Уголовного кодекса РФ, который в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации запрещает незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов были внесены изменения, предусматривающие уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих.

Понятно, что эта норма появилась «ad hoc» как ответ общества и государства на возмутительный скандал с «панк-молебном», учиненном феминистской панк-рок-группой «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя.

³⁷ Головин Е.Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. №9. С. 86.

Кстати, участницы этого действия были осуждены к реальным срокам за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Однако, власть решила «подстраховаться» на случай повторения подобных эксцессов и ввела в Уголовный кодекс упомянутую выше норму.

Тем самым, государство вмешивается в само содержание вероисповедания, поскольку для того, чтобы привлечь лицо к ответственности по данной статье Уголовного кодекса нужно, по меньшей мере, квалифицировать оскорбительность того или иного действия по отношению к конкретным религиозным канонам. И это неизбежно приводит к нарушению принципа равенства религиозных объединений перед законом. Оскорбление чувств каких именно верующих является уголовно наказуемым? Пастафарианцев тоже или речь идет только о традиционных религиях?

Кстати, автор процитированной выше работы – Е.Г. Головин в результате своего исследования приходит к выводу, что законодательное выделение «традиционных религий» не противоречит принципу равенства перед законом религиозных объединений и «Русская православная церковь, как, впрочем, и другие конфессии России, де-факто являющиеся традиционными конфессиями, объективно нуждаются в правовой легитимации своего статуса со стороны федерального, а возможно, и регионального законодателя»³⁸. Как нам представляется, это станет только началом государственного вмешательства в вопросы веры (не путать с деятельностью религиозных организаций) и правовой сегрегации религиозных объединений.

Атрибутивное равенство как равенство перед законом

В некоторых случаях Конституция Российской Федерации закрепляет не равенство субъектов права, а, своего рода, "объектное" или "атрибутивное

³⁸ Там же, С. 89.

равенство" в рамках которого речь идет о равенстве каких либо характеристик субъектов.

Например, статья 6 провозглашает равенство гражданства вне зависимости от оснований его приобретения, т.е. в данной норме речь идет не о правах и свободах (хотя и это предполагается), но о самой правовой связи человека с государством. В частности, это означает, что натурализованные граждане России обладают такой же устойчивой правовой связью с государством, как и граждане по рождению. Между тем, в законе "О гражданстве Российской Федерации" 2023 года предусматривается ряд оснований недобровольного прекращения (лишения?) гражданства тех лиц, которые приобрели гражданство в результате признания гражданином или приема в гражданство. Т.е. в отношении таких граждан связь с российским государством оказывается менее "устойчивой" или прочной чем по отношению к гражданам по рождению.

В статье 8 речь идет о том, что все формы собственности, признаваемые в Российской Федерации, защищаются законом в равной мере. Т.е. в данном случае речь идет об отношениях собственности в которых находится или в которые вступает субъект права.

Кстати, данный конституционный тезис позволяет многим авторам утверждать, что Основным законом закрепляется равенство всех форм собственности: "Конституция РФ устанавливает многообразие и равную защиту форм собственности, т.е. равенство всех форм собственности, что означает их равный правовой режим и равное содержание права собственности независимо от ее формы"³⁹. Как нам представляется это совершенно неверно, поскольку в данном случае речь все равно идет о равенстве перед законом, а не о титульном равенстве форм собственности. Конституция говорит не о равном правовом статусе объектов этих видов собственности или самих собственников в правах владения, пользования и распоряжения ими, а только

³⁹ Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.

о равном отношении со стороны закона. «...Очевидно, что различные формы собственности не могут быть абсолютно равны между собой. В частности, существуют отдельные виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Различны также способы приобретения и прекращения права собственности для различных субъектов. Исходя из этого Конституция РФ говорит не о равенстве, а о "признании и защите равным образом" всех форм собственности»⁴⁰. Это, своего рода, "экономическая" конкретизация принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленного в статье 19 Конституции Российской Федерации.

Также к атрибутивному равенству, на наш взгляд, относится, закрепленный в части 4 статьи 32 Конституции РФ принцип равного доступа к государственной службе, т.е. это так же конкретизация равенства перед законом в виде равного правового отношения к государственной службе.

Правовое равенство и равноправие

Зачастую современная полемика о равенстве или неравенстве упирается в неразграниченность концепта равенства в зависимости от сферы общественной жизни. Как справедливо отмечает В.В. Лапаева, "когда мы говорим о человеке как о социальном существе, то мы можем уравнивать людей, например, по уровню доходов, по наличию или отсутствию собственности на средства производства, по характеру профессии, уровню образования, по религиозной принадлежности и т.д., каждый раз абстрагируясь при этом от иных их свойств и качеств. В этом случае речь пойдет о формальном экономическом, социальном и т.д. равенстве"⁴¹.

Иными словами, терминология "экономическое равенство", "социальное равенство", "политическое равенство" и др. обусловлена тем параметром в

⁴⁰ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.

⁴¹ Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. N 2.

рамках которого происходит сопоставление индивидов, идентифицируется их равенство или неравенство. Так что же тогда представляет собой правовое равенство? По всей видимости, исходя из того что мы говорили выше, оно не сводимо к равноправию или равенству в правах и обязанностях, а представляет собой равенство относительно права, т.е. равнозначное применение правовых норм к различным субъектам. Это не равенство прав, а равенство в праве - синоним законности. К преступнику, политической партии, работнику, религиозному объединению, государственному служащему и т.п., несомненно, будут применяться различные правовые нормы, однако, применяться они должны единообразно. Отступлением от данного принципа является произвол.

В частности, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что "нарушение принципа формальной определенности норм... допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципа равенства при осуществлении конституционных прав и свобод"⁴². Заметим, что Суд говорит не о равенстве прав и свобод, а о равенстве в осуществлении прав, в правопользовании.

О равноправии же говорит конституционное словоупотребление "каждый", "никто" и др., при описании отдельных прав и свобод. При этом индивиды уравниваются не в праве ("равенство перед законом"), а в правах. Например, конституционный тезис "каждый имеет право на жизнь" означает, что все индивиды обладают равным правом на жизнь. Или "никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них" представляет собой инверсию равного права каждого на мнения и убеждения.

Равенство «всех»

Наименование второй главы Конституции Российской Федерации приводит к выводу, что во всех этих случаях речь идет о равенстве не "всех", а

⁴² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда" в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварничиной" // СЗ РФ. 2008. N 51. Ст. 6205.

только лишь индивидуальных субъектов права - человека или гражданина. Например, как таковых, конституционных прав юридического лица в рамках текстуальной конституционной терминологии не существует. Однако, Конституционный Суд Российской Федерации почти с самого начала своего существования обозначил, что права юридических лиц также гарантируются и защищаются Конституцией РФ и последовательно придерживался этой позиции. Суд неоднократно отмечал, что, на юридические лица, как объединения граждан, являющиеся самостоятельными субъектами права могут распространяться права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, если они по природе своей могут принадлежать юридическому лицу⁴³.

На наш взгляд, чрезвычайно важной задачей доктрины является определение той группы конституционных прав, которые могут принадлежать коллективным субъектам в целом и юридическим лицам, в частности. Вряд ли к таким правам можно отнести право на жизнь или на медицинскую помощь, а вот право на обращения в органы государственной власти или право на судебную защиту – несомненно (и это неоднократно подтверждалось Конституционным Судом РФ). Однако существует ряд прав в отношении которых отсутствует консенсус относительно того могут ли они по своей природе принадлежать юридическому лицу либо объединению граждан: свобода слова, свобода передвижения, презумпция невиновности и др. Например, в отношении последнего КоАП устанавливает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ст. 2.1).

Следует заметить, что на сегодняшний день весьма актуальным является вопрос о признании и защите, так называемых, групповых прав. Уже права

⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 N 19-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области"

второго поколения - социально-экономические права во многом связаны с фактическими условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В этой связи государства вынуждены осуществлять дифференциацию объема гарантируемых прав в различных сегментах социума: инвалиды, пенсионеры, молодёжь и т.п. При этом дифференциация в рамках различных социальных групп должна сочетаться с принципами равенства и недискриминации в рамках одного сегмента. Соответственно, появляются права «групповой принадлежности», возникающие в силу ассоциации личности с определенной социальной стратой.

В данном случае дихотомия «личность vs государство» сменяется антиномией «мы (женщины, инвалиды, молодежь и т.п.) vs другие»: несмотря на то, что притязания по-прежнему адресуются государству, их суть смещается из области «вертикальных отношений» в плоскость «горизонтальных». Например, квотирование рабочих мест для определенных социальных групп, хотя и осуществляется государством, но в действительности обязывает частных лиц.

На наш взгляд, все это актуализирует проблему группового равенства и равноправия: какие объединения людей могут считаться формально равными, в каком отношении это равенство может распространяться на индивидов и т.п.

Формальное и фактическое равенство

Другая проблема, которая возникла в связи с признанием социальных прав связана с оппозицией формального и фактического равенства. Фактическое равенство, как правило, рассматривается как оппозиция равенству формальному.

По мнению В.С. Нерсеянца, "фактическое равенство" имеет рациональный смысл лишь как отрицание (а именно как отрицание

формального, правового равенства), но как утверждение (как нечто позитивное) оно, "фактическое равенство", - величина иррациональная, "фантазм" типа "деревянного железа", вербальная конструкция, подразумевающая нечто совершенно иное, чем равенство⁴⁴. По мнению В.А. Четвернина правовое равенство всегда есть чистое равенство людей перед единой для всех нормой, противостоящее равенству фактическому. "Равноправие как формальное равенство предполагает неравенство в фактически приобретаемых субъективных правах"⁴⁵.

Однако, на наш взгляд, оппозиция формального и фактического равенства не вполне корректна с позиции семантики этих слов. Антонимом к слову «формальный» является понятие «материальное», а совсем не «фактическое».

Фактическое равенство охватывает не только аспект равноправия или равных правовых возможностей, но и равенство исходных жизненных обстоятельств (половозрастных, социальных, экономических и т.п.). В литературе вопрос о соотношении формального и фактического равенства является дискуссионным. Спор преимущественно касается того, в какой мере формальное равенство может учитывать равенство фактическое.

Между тем, во многом, такие дискуссии связаны с отсутствием консенсуса в понимании формального и фактического равенства. Обычно под фактическим равенством принято понимать равные возможности в материальном смысле этого слова, что объединяет в себе не только собственно юридическое равенство, но и социальное, экономическое, культурное и др. равенства. При этом претензии на такое равенство как правило рассматриваются в качестве неправовых притязаний.

Слово "фактический" означает "действительный", "соответствующий фактам", т.е. фактическое равенство в юриспруденции не несет в себе

⁴⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2005. С. 19.

⁴⁵ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997.

социально-экономического аспекта и не предполагает равенства в получении или обладании какими-либо благами. Слово формальный обладает более богатым спектром значений: от близкого именно юриспруденции - "официальный", "законный" до негативного - "формализм", т.е. "соблюдающий только форму, не считающийся с действительным положением дела"⁴⁶.

Если перейти на язык такой терминологии, то фактическое равенство означает совсем не равенство результата или социально-экономическое равенство, а лишь формальное равенство, обеспечение механизмами его действительной, "фактической" реализации.

Так, если мы говорим о равном доступе к государственной службе, то фактическое равенство требует механизма его реального обеспечения, например, в виде конкурса на замещение должностей и т.п. Если речь идет о равном избирательном праве, то помимо «формального» признания данного права необходимо обеспечить механизм его реализации.

Равенство возможностей и равенство результатов

Говоря же о равной правоспособности и различии приобретаемых на ее основе субъективных прав, мы касаемся дихотомии равенства возможностей и равенства результата. Как отмечают некоторые авторы, «...Немаловажное значение имеет то, из какого понятия равенства исходит конституционная концепция - "равенства возможностей" или "равенства результатов" Очевидно, что современный российский принцип юридического равенства исходит из равенства возможностей, т.е. равноправия»⁴⁷. Сложно не согласиться с тем, что «при формальном равенстве и равной правоспособности неодинаковых людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни) будут неравными»⁴⁸.

⁴⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999

⁴⁷ Тюгин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020

⁴⁸ Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. С. 39 - 40.

Но что такое «равенство результатов»? Слово "результат" означает "конечный итог, ради которого осуществляется какое-л. действие "последствие цепочки действий или событий, выраженных качественно или количественно". При противопоставлении "равенства возможностей" и "равенства результатов" следует точно определиться, а какой, собственно, результат мы имеем ввиду. Если, опять-таки, обладание какими-либо благами (приобретение собственности, получение дивидендов и т.п.), то это вне компетенции юриспруденции и зависит от многих факторов. Если рассматривать юридический результат, т.е. последствие цепочки юридических действий, то равенство результатов - неременное условие существования права: совершая одно и то же юридическое действие субъекты вправе рассчитывать на одинаковый результат. Это значение равенства, наверное, ближе всего к равенству перед законом и судом.

Концепция естественных прав, которая на сегодняшний день является конституционно общепризнанной, исходит из отсутствия различия между правоспособностью и реальным правообладанием: все права, гарантированные Конституцией принадлежат человеку актуально в силу рождения. В тоже время право на образование, медицинскую помощь или социальное обеспечение по возрасту является таким же естественным, как и свобода слова или право на жизнь. Собственно, только при этом условии права, закрепляемые конституциями, могут рассматриваться как субъективные права личности. В противном случае они становятся лишь «этикетками» отраслевых субъективных прав.